

ЛИЗА БЕТТ

ВОЛК

ИГРА НА ОПЕРЕЖЕНИЕ

Лиза Бетт

Волк. Игра на опережение

«Автор»

2026

Бетт Л.

Волк. Игра на опережение / Л. Бетт — «Автор», 2026

Моя работа — ловить монстров. Её — защищать их в суде. Она презирает всё, что я делаю. И я использую это себе на руку. Мы ненавидим друг друга ровно до момента, пока она не оказывается в ловушке того, кого пыталась так отчаянно защитить. И теперь я должен сделать выбор: отдать ее ему или же защитить ценой собственной жизни. Даже если для этого придется скинуть маски. Даже если после этого она возненавидит меня по-настоящему.

© Бетт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	11
ГЛАВА 5	13
ГЛАВА 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лиза Бетт

Волк. Игра на опережение

ГЛАВА 1

Дождь стучит по жестяной крыше заброшенного склада. Не льет, не барабанит – именно стучит. Методично, как телеграфный аппарат, выбивающий точками и тире шифровку из водяных пуль. Каждая капля – приговор к забвению. Здесь, в этом царстве ржавчины и сырости, кто-то поставил точку. Четвертую по счету.

Я стою на пороге, впуская внутрь не столько тело, сколько внимание. Позволяю картине впитаться через кожу, через запах, через звук. Воздух пахнет озоном, плесенью и... медью. Неприятной сладостью крови, которую еще не успели отмыть.

Мой взгляд начинает свою работу. Он холодный, отстраненный, методичный. Не смотрит – сканирует. Сначала общий план: груды гниющих ящиков, мутные лужи на бетонном полу, граффити на стенах, кричащие матом и безысходностью. Потом сужается. Ползет по контурам тела, лежащего в центре пустого пространства. Мужчина. Дешевый, промокший насквозь пиджак. Непрактичные туфли. Поза неестественная, сломанная.

Сотрудники уже роятся вокруг, как встревоженные осы. Вспышки фотокамер на мгновение замораживают капли дождя в воздухе, превращая их в хрустальную пыль. Я не двигаюсь. Я – ось, вокруг которой вращается этот хаос. Позволяю им делать свою работу, пока моя – только начинается. Мозг, отточенный годами, щелкает, как затвор камеры, выхватывая детали, отбрасывая шелуху. Беспорядок слишком аккуратен. Отсутствие борьбы. Убийство как ритуал.

И тогда я вижу их.

На груди, поверх мокрой ткани, лежит предмет, которому здесь явно не место. Карманные часы. Серебряные, старинные, с витой крышечкой. Они отполированы до такого бледного, призрачного блеска, что кажется, светятся изнутри. Моя внутренняя линза фокусируется на них, вырезая из реальности все остальное.

Стрелки замерли.

3:42.

«Четвертый», – звучит во мне констатация, плоская и безэмоциональная, как голос диктора, объявляющий остановку. Бездомный на вокзале. Чиновник в кабинете. Студентка в парке. И теперь вот он. Ни возраста, ни социального слоя, ни образа жизни. Нет связующей нити. Кроме этих часов. Они – не улика. Улики нужны для суда. Это – знак. Послание. И оно адресовано... мне.

Старый шрам на боку, давно затянувшийся, вдруг посылает в мозг короткий, острый импульс боли. Не настоящей. Призрачной. Как эхо от выстрела, прозвучавшего десять лет назад.

– Алексей Игоревич?

Я не поворачиваюсь. Знаю, что это Денисов. В его голосе – напряжение гитарной струны, вот-вот готовой лопнуть. Он молод, рвется в бой, и оттого слеп.

– Пресса уже окрестила, – продолжаю я его мысль, все так же глядя на часы. Мой собственный голос возвращается ко мне приглушенным, хриловатым от бессонных ночей. Он звучит здесь уместно – как скрип ржавой двери.

– «Хронометрист». Во всех утренних выпусках. – Денисов делает паузу, понижая тон. – Сверху... звонят каждый час. Прокурор требует срочных арестов. Любых. Сказали, нужен результат, а не идеальная картина.

«Идеальная картина». Вот именно ее я сейчас и вижу. Слишком идеальную. Как декорация. Чувство, от которого холодеет внутри, нарастает. Это не просто убийство. Это спектакль. И моя роль в нем уже прописана.

Я наконец отрываюсь от часов и делаю первый шаг вперед. Тяжелый ботинок с глухим стуком опускается на бетон. Звук гулко расходится под высокими сводами, утверждая мое присутствие. Мое право быть здесь хозяином.

Приседаю на корточки, не пачкая колени. Всматриваюсь в циферблат в сантиметре от лица. В остановленных стрелках я читаю не просто время. Я читаю насмешку. Высокомерную, ледяную.

Твое время вышло.

– Результаты будут, – говорю я тихо, почти для себя. Но Денисов за моей спиной выпрямляется, будто получив команду. – Собери все по трем предыдущим. Все. Не только то, что легло в папку. Найди свидетелей, которых отфутболили за «малозначительностью». Уличных торговцев, бомжей, пьяниц. И найди мне часовщика. Не того, что в музее консультирует. Найди того, кто в подворотне у метро чинит «пациков» дедам. Кто знает весь черный рынок этих... железяк.

Поднимаюсь. Моя тень, отброшенная очередной вспышкой, тянется по полу, накрывает тело, сливается с тенью мертвеца в одно бесформенное пятно. Я не испытываю к нему жалости. Жалость – роскошь, которую я не могу себе позволить. Я здесь с одной целью: закончить игру, в которую меня втянули против моей воли.

Но, глядя на холодное серебро часов, я чувствую не страх, не ярость. Я чувствую давно забытый, щемящий спазм в груди. Азарт.

Он вышел на тропу войны. Что ж. Игра началась.

ГЛАВА 2

Кабинет гудит, как растревоженный улей. Папки с фотографиями, распечатки вызовов, карты с булавками – всё кричит о хаосе. Я сижу за столом, но не вижу этого хаоса. Я вижу схему. Четыре точки на карте города. Четыре пары остановленных стрелок. И тишина между ними – громче любых улик.

В голове работает метроном. Такт за тактом. Я возвращаюсь к первому телу, найденному три месяца назад. Бездомный по кличке «Баян» в подсобке вокзала. Часы на 2:17. Тогда это списали на бытовуху, случайно забытые карманные. До второго убийства.

Дверь кабинета распахивается, впуская порцию нервной энергии. Это Денисов, его щёки красные не от мороза, а от адреналина.

– Нашли! – он почти выдыхает слово, хлопая папкой на мой стол. – Игорь Миронов. Сорок четыре года, бухгалтер в управляющей компании «Достояние». Ни семьи, ни близких. Соседи описывают как тихого, странного одиночку.

Я медленно поднимаю на него взгляд, давая ему понять, что одного лишь социального портрета убийцы недостаточно.

– И? – произношу я одним слогом.

– И у него коллекция! – Денисов торжествующе открывает папку, выкладывая фотографии. Снимки, сделанные в обычной «хрущёвке». На полках, в стеклянных витринах, аккуратно разложенные на бархате – десятки старинных карманных часов. Серебро, золото, эмаль. – Такие же, Алексей Игоревич! Такие же, как на местах! Мы уже везем его на допрос.

Мой взгляд скользит по фотографиям. Коллекция впечатляет. Идиотская. Слишком впечатляет. Настоящий маньяк, одержимый временем, не стал бы выставлять свою одержимость напоказ. Он прятал бы её. Как святыню. Как стыдную тайну.

«Слишком очевидно», – стучит в висках мысль.

– Основание для обыска? – спрашиваю я, уже зная ответ.

– Анонимный звонок. Мужской голос, сообщил, что видел, как Миронов возвращался поздно ночью в окровавленной одежде. Оперативники постучались «для беседы», он впустил, они увидели коллекцию... ну и пошло-поехало. Прокурор санкцию на обыск выдал за полчаса.

Аноним. Конечно. Классический ход кукловода, который торопится.

– А где он был в ночь последнего убийства? На складе? – уточняю я, уже чувствуя привкус подделки, как запах дешёвого пластика.

Денисов немного сдувается.

– Утверждает, что был дома. Один. Работал с отчётами. Никто не видел, не слышал. Алиби – ноль.

Идеально. Слишком идеально. Жертва, которую нельзя проверить. Коллекция, которая кричит о вине. Аноним, который всё запускает. Это не улика. Это готовая упаковка для дела. Аккуратная, с бантиком, подаренная мне... им. «Хронометристом».

Я встаю. Тело затекло и ноет. В окно бьётся мокрый снег, превращая город в размытое пятно.

– Начнём, значит, с Миронова, – произношу, Денисов кивает и уходит.

Допросная комната пахнет страхом и плохим кофе. Игорь Миронов сидит, ссутулившись, его пальцы бесконечно теребят край стола. Невинный человек так не боится. Он злится. А этот... этот просто растворяется в ужасе. Его глаза за стёклами очков бегают, как рыбки в аквариуме.

Я не спешу. Даю ему полностью выговориться, попытаюсь построить свой хлипкий щит из «не знаю», «не помню» и «я не мог». Слушаю его тихий, срывающийся голос. Он не маньяк. Он жертва. Жертва обстоятельств. И чьего-то продуманного плана.

– Игорь Сергеевич, – говорю я наконец, отодвигая фотографии жертв. Мои слова падают медленно и тяжело, как гири на весы. – Объясните мне. Зачем мужчине, который боится лишний раз в лифте с соседом поздороваться, коллекционировать... это? – я указываю на фото его гостиницей.

– Я... это от деда. Он часовщиком был. Для меня это память... – бормочет он.

– Память, – повторяю я, кивая, как будто принимая это объяснение. – А вы знаете, сколько стоят самые простые из этих «воспоминаний» на чёрном рынке? Миллионы, Игорь Сергеевич. У вас в квартире – состояние. И при этом вы работаете на шестидесяти тысячах в месяц. Это странно.

Я вижу, как он понимает ловушку. Если он не знал цены – выглядит идиотом. Если знал – сразу становится подозреваемым в сбыте краденого. А от краденого до убийства – один шаг в нашей интерпретации.

– Я не продавал! Никогда! – он почти вскрикивает.

– Но вас видят, – я делаю паузу для эффекта, – в районе склада. В ночь убийства. Камеры магазина напротив. Вы шли быстро, с опущенной головой. Похоже на человека, который спешит от греха подальше.

Это ложь. Камер там нет. Но Миронов этого не знает. Его лицо становится пепельно-серым. Он начинает потеть.

– Не может быть... Я был дома... – это уже не утверждение, а молитва.

– Дома, где у вас нет ни одного свидетеля. Дома, где хранится коллекция часов, идентичных орудиям убийства. После анонимного звонка о вас. – Я складываю руки. – Видите, какая картина складывается, Игорь Сергеевич? Она складывается сама. Без нашего участия.

И в этот момент, глядя на его дрожащие руки, я понимаю всю глубину замысла «Хронометриста». Он не просто убивает. Он конструирует реальность. Он пишет сценарий, в котором я – режиссёр, ведущий невиновного человека к пожизненному заключению. Он проверяет меня. Смотрит, куда я пойду по этой разложенной им тропинке.

Я встаю, отодвигая стул с оглушительным скрежетом.

– Подумайте хорошенько, – говорю я, глядя на него сверху вниз. – Следующий разговор будет решающим. Вам нужен адвокат. Хороший.

Я выхожу из комнаты, оставляя его в кольце собственного, искусственно созданного ужаса. В коридоре Денисов смотрит на меня с ожиданием.

– Лёгко на помине, – бросаю я. – Гнётся, как пластилин. К вечеру будет готов дать любые показания, которые мы предложим.

Денисов согласно кивает, видя в этом успех. Он не видит, как у меня сжимаются кулаки в карманах пальто. Он не понимает, что я только что сыграл свою первую партию по правилам моего невидимого оппонента.

И главное – я сделал это идеально. Потому что должен. Потому что где-то там, в тени, «Хронометрист» наблюдает. И любое мое отступление от роли бездушного следователя, гонящегося за лёгкой добычей, может его спугнуть.

Я иду по коридору, и шаги мои отдаются гулко и одиноко. Война объявлена. И первый ход я сделал, надев маску, которую для меня приготовили.

Мой внутренний метроном отсчитывает секунды. Время пошло.

ГЛАВА 3

Утренний свет в окнах моего кабинета кажется грязным, разбавленным городской пылью и собственным утомлением. Я просматриваю «идеально» составленное обвинительное заключение по Миронову. Каждый пункт звенит, как монета, брошенная на стекло. Слишком звонко. Слишком нарочито. Кто-то очень старался, чтобы всё сошлось. Слишком старался.

Денисов влетает, сбивая дыхание. В его глазах – не триумф, а растерянность.

– Она пришла.

Я не поднимаю головы.

– Кто?

– Его адвокат. Соколова. Елена Викторовна.

Меня пронзает что-то вроде слабого электрического разряда. Не удивление. Предчувствие. Соколова. Я знаю эту фамилию. Не по делам. По слухам в коридорах суда. «Цербер в юбке». «Идеалистка с острыми клыками». Та, что выигрывает дела, которые все считают безнадежными, потому что свято верит в священные скрижали Уголовного кодекса. Её появление – не хорошая новость. Это осложнение. Первое настоящее отклонение от плана «Хронометриста».

– Пусть ждёт, – бросаю я, намеренно медленно дописывая резолюцию на бланке.

Я даю ей ждать двадцать минут. Не из мелкой мести. Мне нужно сместить её центр тяжести, вывести из состояния праведного гнева, в котором она, несомненно, прибыла. Когда я наконец киваю Денисову, я уже готов.

Дверь открывается, и она входит. Не заходит – врежется в пространство кабинета. Невысокая, в строгом тёмно-синем костюме, который не может скрыть взрывной энергии внутри. В её руках – тонкая папка, но держит она её как щит. Её взгляд – не взгляд, а оценка. Холодная, мгновенная, сканирующая всё: мой запылённый стол, мою позу, тень под моими глазами. Он останавливается на моём лице. В её глазах нет ни страха, ни подобострастия. Только чистая, незамутнённая враждебность. И любопытство хищницы, учуявшей слабину.

– Алексей Игоревич, – её голос чёткий, отточенный, без единой ненужной вибрации. – Елена Соколова, адвокат Игоря Миронова. Я здесь, чтобы прекратить этот фарс.

Я жестом приглашаю её сесть. Она игнорирует жест, оставаясь стоять. Хорошо. Пусть стоит. Пусть тратит энергию.

– Фарс, Елена Викторовна? – переспрашиваю я, откидываясь на спинку кресла. – У нас есть материальные доказательства. Коллекция. Есть косвенные улики. Есть отсутствие алиби.

– У вас есть коллекция старинных часов, которую унаследовал внук часовщика! – её слова выстреливают, как пули. – У вас есть «анонимный звонок», который по закону не является основанием ни для чего, кроме как для проверки бдительности дежурного! И у вас есть камеры, которых не существует!

Последнее она бросает с таким ядовитым торжеством, что я понимаю – она уже поработала. Она побывала у того склада. Она говорила с местными. Она проверила. Мой блеф с камерами лопнул при первом же соприкосновении с реальностью.

Внутри что-то сжимается. Не от злости. От... уважения. Так, стой, Волков. Осторожно.

– Оперативная информация может быть закрытой, – парирую я, сохраняя ледяной тон. – Ваш клиент был опознан.

– Кем? Этим же анонимом? – она делает шаг вперёд, её пальцы впиваются в папку. – Вы строите дело на песке, Алексей Игоревич. И вы это прекрасно понимаете. Вас заставляют закрыть дело любой ценой, и вы нашли самого удобного «чудовища» – тихого, странного, никому не нужного одиночку!

Она попала в яблочко. Намеренно. Провоцирует. Хочет увидеть вспышку гнева, слабинку, подтверждение своей правоты.

Я медленно встаю. Мы теперь стоим друг напротив друга, разделенные только шириной старого деревянного стола.

– Ваш клиент, Елена Викторовна, идеально подходит под профиль. У него есть мотив – патологическая одержимость. Есть возможность. Нет алиби. А пресса, между прочим, уже кричит о «Хронометристе». Общественность требует голову. Не мою. Его. – Я говорю это безразличным, почти бюрократическим тоном, как будто обсуждаю погоду. – Вы хотите защищать маньяка? Поздравляю. Отличный пиар-ход для карьеры.

Я вижу, как вспыхивают её глаза. Не от обиды – от бешенства. Я перешёл черту, на которую она не рассчитывала. Она ожидала оправданий, уверток. А не циничного признания правил игры.

– Вы... вы беспринципный карьерист, – говорит она, и в её голосе впервые слышится не профессиональный гнев, а личная, жгучая неприязнь. – Вы готовы сломать жизнь человеку, чтобы поставить галочку в отчёте и угодить начальству. Вы не следователь. Вы мясник в погонах.

Слова висят в воздухе, острые и тяжёлые. Они должны ранить. Но они лишь подтверждают, что маска сработала. Она видит именно то, что я хочу, чтобы она видела: монстра. Для неё я теперь не просто оппонент. Я – воплощение системы, которую она ненавидит.

– Красивая речь, – произношу я, садясь обратно, демонстративно показывая, что её вспышка для меня – ничто. – Запишите её для вступительного слова в суде. А сейчас у меня работа. Если у вас есть ходатайства – оформляйте в установленном порядке. Без эмоций.

Она замирает на секунду. Её грудь вздымается от глубокого вдоха. Она собирает себя в кулак, атом за атомом. Ненависть не ушла. Она закалилась, превратилась в холодную сталь.

– Оформлю, – говорит она тихо, но так, что каждый слог отпечатывается на слуху. – Я оформлю ходатайство об исключении всех доказательств, полученных с нарушениями. О проверке анонимного «звонка». О проведении независимой экспертизы коллекции моего подзащитного. Я разберу ваше «дело» на запчасти, Алексей Игоревич. И я выставлю на всеобщее обозрение, как здесь, в этом кабинете, фабрикуют дела на невиновных.

Она резко разворачивается и уходит, не закрывая за собой дверь. В кабинете остаётся запах её духов – что-то резкое, горьковато-сладкое, вроде полыни. И тишина, звенящая после её ухода.

Денисов осторожно заглядывает.

– Всё нормально, шеф?

Я смотрю на пустой дверной проём.

– Всё идёт по плану, – говорю я, и это самая горькая правда за весь день.

Она появилась. Идеалистка с огнём в глазах. Она будет копать. Она будет мешать. Она – непредвиденная переменная в уравнении «Хронометриста». И теперь мне нужно сделать выбор: заткнуть ей рот любыми средствами... или позволить ей стать живым щитом между мной и истинным убийцей, который явно не ожидал такой помехи.

Я открываю ящик стола, достаю старую, потёртую фотографию. Молодая женщина смеётся, запрокинув голову. За ней – я, десять лет назад, с другим взглядом. Я смотрю на лицо Елены Соколовой, которое только что пылало ненавистью ко мне, и на это улыбающееся лицо на фотографии. Разные. Совершенно разные.

Но тот же огонь. Тот же беспощадный свет, который освещает все тени.

Я прячу фотографию. Сердце бьётся ровно, но с какой-то новой, тревожной тяжестью. Игра усложнилась. Появилась новая фигура на доске. И я ещё не решил, будет ли она пешкой... или королевой.

ГЛАВА 4

Телевизор в углу конторы бубнит, как назойливая муха. Я не хочу смотреть, но не могу оторваться. Это как наблюдать за автомобильной аварией в замедленной съемке – ужасающе и гипнотизирующе.

На экране – он. Алексей Волков. Он стоит за кафедрой в пресс-центре МВД, как скала посреди нервного моря журналистов. Его лицо – маска, высеченная из гранита. Ни одной лишней морщины, ни единого просвета. Только холод. Свет софитов выхватывает серебристые нити в его темных волосах, шрам над бровью, жесткую линию сжатых губ. Он одет в простую темную рубашку, без галстука. И это раздражает больше всего – эта демонстративная, брутальная небрежность. Как будто он говорит: «Мне не нужно прятаться за парадным мундиром. Я и так здесь власть».

«... следствием установлена ключевая фигура, причастная к серии резонансных преступлений, – его голос, низкий, слегка хриплый, без усилия заглушает шум в зале. – Проводятся неотложные следственные действия. Мы работаем в режиме повышенной готовности».

Ложь. Каждое его слово – отполированная, бездушная ложь. «Ключевая фигура» – это Игорь, затравленный, сломленный бухгалтер. «Неотложные действия» – это давление, угрозы и фабрикация. Мои пальцы так сильно впиваются в край стола, что ногти белеют.

Корреспондентка с яркой помадой, вся на нерве, перебивает:

– Алексей Игоревич! Это уже четвертая жертва! Общественность в панике! Когда будут конкретные результаты? Аресты? Не кажется ли вам, что следствие топчется на месте?

Волков медленно поворачивает к ней голову. Его взгляд, тяжелый и оценивающий, заставляет ее на секунду смолкнуть.

– Результаты будут тогда, когда они будут готовы, а не тогда, когда этого требует рейтинг вашего телеканала, – отрезает он. В зале – смехок, но нервный. – Наше дело – качество доказательств. А не скорость, порожденная истерией.

Он делает паузу, и в этой паузе – весь его цинизм. Он не успокаивает. Он бросает дрова в огонь, зная, что завтра заголовки будут кричать: «Следователь Волков обвинил прессу в истерии!». Он намеренно нагнетает. Раскачивает лодку. Зачем? Чтобы потом было проще представить публике любого «виновного» – лишь бы уgomонить это чудовище, которого он же и помогает создать.

Меня тошнит. От его самоуверенности. От этой проглоченной линейки, которая, кажется, заменяет ему позвоночник. От того, как он стоит – непоколебимо, широко расставив ноги, положив тяжелые ладони на кафедру. В его позе – первобытная, животная мужественность. Мужественность хищника, который метит территорию. И это... черт возьми, это бесит меня больше всего. Потому что это работает. Не на меня. На них. На камеры. На публику, которая хочет видеть не умного следователя, а эдакого сурового мстителя в плохо отутюженной рубашке.

«Смотрите, какой сильный, – шепчет что-то древнее и глупое в подсознании. – Смотрите, как он всех держит. Он справится».

Я ненавижу этот голос. Ненавижу себя за то, что вообще это замечаю. За то, что мой взгляд против воли задерживается на его руках – крупных, с выступающими суставами, способных, кажется, одним движением сломать что угодно. Или защитить. Нет. Не защитить. Сломать. Только сломать. Он – молот, и для него каждый человек – гвоздь.

Его начальник, полковник с озабоченным лицом, что-то шепчет ему на ухо. Волков слегка наклоняет голову, чтобы услышать, и эта простая, мужская солидарность, этот короткий кивок понимания – еще один укол. Их мир. Их круговая порука. «Затянуть гайки, Волков». И он затягивает. Не моргнув глазом.

Он возвращается к микрофонам.

– Всем оперативным группам отдан приказ использовать весь арсенал законных методов для пресечения преступной деятельности и задержания причастных, – говорит он, и в слове «законных» слышится такая ледяная ирония, что по моей спине пробегает холодок. – Мы действуем жестко. Решительно. И в рамках закона.

Жестко. Решительно. Это код. Код для таких, как Денисов. Это значит: давить. Не церемониться. Искать не истину, а нужные показания.

Я не выдерживаю и выключаю телевизор. Резкий щелчок в тишине конторы звучит как выстрел.

Тишина давит. Но в ней продолжает звучать его голос. Этот проклятый, низкий, уверенный тембр. Он задевает какие-то струны, о существовании которых я предпочла бы забыть. Струны, отзывающиеся на силу. На уверенность. На ту самую брутальность, которая должна отталкивать, но по какому-то извращенному закону притяжения – притягивает взгляд. Как к обрыву.

Я злюсь на него. Бешено, до дрожи в коленях. За его ложь. За его карьеризм. За то, что он калечит жизнь моему клиенту. Но в глубине этого чистого, святого гнева копошится что-то еще. Что-то личное, постыдное. Раздражение на то, что он – такой, какой есть – заставляет меня чувствовать. Не только ярость защитника. А что-то острое, почти физическое. Неприязнь, замешанную на болезненном, нежелательном любопытстве.

«Кто ты на самом деле, мясник? – думаю я, глядя на потемневший экран. – Что скрывается за этим гранитным фасадом? Страх? Пустота? Или ты и правда просто идеально отлаженная машина по перемальванию судеб?»

Нет. Неважно. Кто бы он ни был, он – препятствие. Препятствие на пути к справедливости для Игоря. И я его снесу. Я разберу каждое его «железобетонное» доказательство на кусочки и выставлю на всеобщее осмеяние.

Я открываю ноутбук и с новой, ядовитой энергией начинаю набрасывать ходатайство. О фальсификации. О нарушении процессуальных норм. О привлечении к ответственности.

Каждое написанное слово – это удар по его каменному лицу. По его уверенности. По тому странному, тревожному отголоску, который он оставил внутри меня.

Дуэль объявлена. И на этот раз поле боя будет моим. Суд. И я сделаю все, чтобы в зале суда его ледяная маска треснула навсегда.

ГЛАВА 5

Допросная комната снова пахнет страхом. Но сегодня в воздухе висит ещё что-то. Озон перед грозой. Ожидание. Она сидит рядом с Мироновым, и её присутствие меняет всё. Он уже не просто сжавшийся комок нервов. В его глазах, за стёклами очков, теплится слабая, дрожащая искра – надежда. И это её работа. Она вдохнула в него это. Опаснейшая из вещей.

Я раскладываю перед ними файлы. Методично, один за другим. Не глядя на неё. Но кожей ощущаю её взгляд. Он не сканирует, как в первый раз. Он сверлит. Концентрированный луч неприязни, направленный мне в висок.

– Протокол опознания, – начинаю я, голосом автомата, зачитывающего инструкцию. – Гражданин Петров Сергей Иванович, проживающий в доме напротив склада, в ходе проведения опознания заявил, что вечером, примерно в 22:30, видел человека, похожего на подозреваемого Миронова И.С., вблизи места преступления. Выглядел подозрительно, «кутался в одежду».

Из её угла зрения исходит почти слышимый шипящий звук.

– «Похожего», – повторяет Елена Викторовна. Её голос – лезвие, обёрнутое в шёлк. – В двадцать два тридцать. В ноябре. В промозглом районе. Он кутался в одежду. Какая поразительная наблюдательность, учитывая, что в вашем же протоколе осмотра места происшествия указано: уличное освещение в радиусе ста метров не функционирует. Какой замечательный свидетель, который в полной темноте разглядел черты лица.

Она не смотрит на меня. Она смотрит на Миронова, как бы говоря: «Видишь? Видишь, как они жульничают?». И он видит. Его спина выпрямляется на миллиметр.

– Свидетель пояснил, что узнал походку и общие очертания, – парирую я, перелистывая страницу. – А вот это, – я выдвигаю фотографию, запечатанную в прозрачный конверт, – было обнаружено на свалке в пятистах метрах. Куртка. Со следами крови, предварительно совпадающей с группой крови жертвы.

Теперь она смотрит на меня. Её глаза – два куска синего льда. В них горит не гнев, а холодное, чистое презрение.

– На свалке, – произносит она, растягивая слова. – В пятистах метрах от места, где орудует маньяк, оставляющий изысканные старинные часы как визитную карточку. И этот маньяк, вместо того чтобы их уничтожить или спрятать, берёт и сваливает на первую попавшуюся свалку, где её через два дня находят ваши бдительные коллеги. Удивительная находчивость. И какое счастье, что кровь на куртке не успела разложиться под ноябрьским дождём, в куче органических отходов.

В её тоне – яд. Он проникает в щели моего спокойствия. Я чувствую, как мышцы челюсти напрягаются сами по себе.

– Возможно, он спешил. Возможно, растерялся, – говорю я, и в моём голосе впервые за эту встречу появляется усталость.

– «Возможно», – передразнивает она меня, коротко и ядовито. – Ваше следствие построено на «похожего», «возможно» и «нашли на свалке». Алексей Игоревич, ваша работа не стоит и выеденного яйца. Это не расследование. Это конструктор для дошкольников, где все детали кривые, но вы всё равно пытаетесь втиснуть их друг в друга, лишь бы получить угрожающую фигурку!

Тишина в комнате становится абсолютной, звенящей. Даже Миронов замер, испуганно глядя то на неё, то на меня. Денисов у стены кажется готовым провалиться сквозь пол.

Гнев – белый, обжигающий – поднимается во мне волной. Не из-за оскорбления. Из-за её правоты. Проклятой, слепой, опасной правоты. Она разбивает мою хлипкую конструкцию

голыми руками, и я вынужден стоять и смотреть, как она это делает. Играя роль. Притворяясь тем, кем она меня считает.

– Ваша обязанность – защита, Елена Викторовна, – говорю я, медленно поднимаясь. Мой рост, моя тень снова становятся оружием. – А не оскорбление следствия. Ваши эмоции – плохой советчик. И ещё хуже – тактика.

– Моя тактика – называть вещи своими именами! – она тоже встаёт. Мы разделены теперь только шириной стола. Её энергия бьёт в меня, как физическая волна. – Ваше «следствие» – это фабрикация! Вы взяли первого попавшегося несчастного, на которого указал какой-то мифический аноним, и теперь лепите из него монстра, потому что так удобно вашему начальству! Потому что вам нужна галочка! Потому что вы боитесь искать настоящего убийцу, который, между прочим, уже убил четверых! Или он вам неинтересен? Слишком сложно?

Каждое её слово – удар. И самое страшное, что в её глазах я вижу не только злость. Я вижу... разочарование. Как будто где-то в глубине она, эта наивная идеалистка, всё же надеялась увидеть в следователе Волкове человека. И теперь этот человек мёртв. Убит ею же. И это моя вина. Я сам его убил.

Мы сверлим друг друга глазами. Пространство между нами искрит. Я вижу, как тонкая жилка на ее шее пульсирует в каком-то диком ритме. Как блузка на ее груди натягивается от каждого поверхностного вдоха, как ее кулаки сжимаются.

Во мне просыпается древний, животный импульс. Схватить. Обездвижить. Заставить замолчать этот острый, ядовитый рот, который разносит в клочья всё, что я так тщательно строю. Мечтаю ли я перемахнуть через стол? Нет. Я мечтаю его разнести вдребезги и дотянуться до неё. Не чтобы причинить боль. Чтобы остановить. Чтобы... чтобы что?

Она мечтает о том же. Я вижу это по тому, как её взгляд падает на мои руки, лежащие на столе, и в её глазах вспыхивает что-то дикое, готовое к бою. Она хочет вцепиться. Выцарапать мне глаза. Уничтожить.

– Настоящего убийцу мы ищем, – выдавливаю я сквозь зубы. Каждое слово даётся с усилием. – И ваши бездоказательные обвинения только мешают оперативной работе. Вы играете на руку тому, кого якобы хотите поймать.

– О, Боже! – она закидывает голову с горьким, театральным смехом. – Теперь я виновата! Это я мешаю великому сыщику Волкову! Может, это я и есть «Хронометрист», Алексей Игоревич? У меня тоже есть часы, наручные! – издевательски поднимает изящное запястье и трясет им перед моим носом, – Собираетесь обыскать мою контору?

– Елена Викторовна, – рычу я, теряя последние крохи контроля. – Вы переходите все границы.

– Границы? – её голос падает до опасного шёпота. Она наклоняется через стол, и я чувствую запах её духов – полынь и гнев. – Вы стёрли все границы, когда решили сломать жизнь невинному человеку. Так что не говорите мне о границах. Их здесь нет. Только вы. И я. И ваш фальшивый конструктор.

Мы замерли. Нос к носу. Дыхание смешалось – её частое, прерывистое, моё тяжёлое, сдавленное. В мире остались только её синие, пылающие ледяным огнём глаза и моё отражение в них – искажённое, тёмное, чужое.

И в этот миг я понимаю самую ужасную вещь. В этой ненависти, в этом желании сокрушить друг друга, есть какая-то невыносимая, извращённая близость. Мы видим друг друга насквозь. Она видит мой фасад и считает его сутью. Я вижу её суть – и вынужден притворяться, что это наивный бред. Мы заперты в этом танце, где каждый шаг – удар.

Я опускаю взгляд на ее губы.

Она резко отшатывается, будто обожглась. Садится, хватается за ручку и что-то быстро пишет в блокноте. Её рука дрожит.

– На сегодня всё, – говорит она, не глядя на меня. – Мой подзащитный устал. И я исчерпала все аргументы для разговора с глухой стеной.

Я не возражаю. Просто киваю Денисову, чтобы тот вывел Миронова.

Когда дверь за ними закрывается, я остаюсь один в комнате, где воздух всё ещё дрожит от только что разразившейся бури.

Я смотрю на пустой стул, где она сидела. На столе лежит её забытая авторучка. Дешёвая, синяя. Я беру её. Она ещё тёплая.

Я сжимаю её в кулаке так сильно, что пластик трещит. Не от злости. От чего-то другого. От понимания, что следующий раунд будет в суде. И там мне придётся быть ещё беспощаднее. Ещё циничнее. Чтобы она ненавидела меня ещё сильнее.

ГЛАВА 6

Дверь в коридор захлопывается за мной с таким глухим стуком, будто отсекает часть атмосферы – ту, отравленную его присутствием. Я прислоняюсь к холодной кафельной стене, закрываю глаза и делаю глубокий, дрожащий вдох. В легкие врывается стерильный воздух полиции, пахнувший дезинфекцией и тоской. Но он лучше, чем тот, что был в комнате. Тот был густой, тяжелый, пропитанный его самоуверенностью и моей яростью.

Руки трясутся. Я сжимаю их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Острая, ясная боль помогает. Возвращает в реальность. В реальность, где он – каменное чудовище в погонах, а я – единственная, кто стоит между ним и жизнью моего клиента.

«Ваша работа не стоит выеденного яйца». Слова жгут губы изнутри. Я сказала это. Выпустила наружу всю кипящую в жилах ненависть. И что? Он даже не дрогнул. Только его глаза потемнели, стали похожи на два куска мокрого базальта. В них не было ни стыда, ни гнева. Было... что? Раздражение? Как на назойливую муху, которая жужжит громче обычного.

И этот момент, когда мы встали друг против друга. Когда между нами был только стол, а в воздухе висело невысказанное, животное желание сцепиться, разорвать эту невыносимую напряженность в клочья. Я видела, как сжались его челюсти. Видела, как напряглись мышцы на его предплечьях под рубашкой. И в этот миг я не испугалась. Напротив. По телу пробежал странный, постыдный разряд адреналина. Не страх. Вызов. Вызов его силе, его мужской, грубой подавляющей массе.

«Черт возьми, Соколова, да ты с ума сошла?» – мысленно шиплю я себе, отталкиваясь от стены и быстрым шагом направляясь к выходу. Ненавидеть его – правильно. Презирать – обязательно. Но позволять его брутальности вызывать в тебе какой-то первобытный отклик – это уже измена себе. Измена всем принципам.

Я выхожу на улицу. Ноябрьский ветер бьет в лицо, как холодная пощечина. Хорошо. Именно того, что нужно. Он сдувает остатки жара с кожи, прочищает голову.

Мой телефон вибрирует в кармане. Это сообщение от моего частного сыщика, того самого, которого я наняла в обход всех, потому что доверять «их» следствию – значит подписать Игорю приговор.

«Нашел того соседа. Того, что давал алиби Миронову на первые числа. Мужик перепуганный. Говорит, к нему «приходили». Предлагаю встретиться. Осторожно».

Кровь стучит в висках уже по-другому. Не от гнева. От охотничьего азарта. Вот она – первая ниточка. Первая трещина в их картонном деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.